

Так вот.
Он на пороге с открытой книгой в руках. Читает вслух.

Тень такая длинная, до стула дотягивается. Я специально его напротив двери поставил, ждал.

Шляпа дурацкая у него сегодня, соломенная. Просвечивает, а лица не видно.

Вечно приходят и бубнят на пороге. Стоят с книжками. И этот еще...

Не хочу его слушать. Сегодня опять классика, Чехов или еще дичь какая-то.

Стоит, бубнит. Он.

Я в таких случаях поступаю просто – чай допиваю, конфетку съедаю, а потом подхожу к таким, как Он, и кричу: «Изыди! Изыди!»

Если не помогает, то добавляю:

– Завтра же сдам все книги обратно!

И важно ухожу.

А эти тогда и исчезают. Читающие.

А если не сдаю книги, то опять приходят. С каждым разом чуть-чуть дальше за порог заступают. И вроде как и страшно, но, бывает, так одиноко становится дома.

А так не скучно даже. Как стемнеет, так на пороге стоит кто-нибудь. Бурчит, читает вслух, требует обратно слово свое печатное. И веселее как-то чай допивать с конфеткой.

Вот все думаю – не буду ничего сдавать, может, ко мне рано или поздно зайдет. Посидим, настойку мамину достану.

И холод, что от читающих идет, развеется под настойку-то мамину.

Как-нибудь попробую. Даже если страшно, нужно попробовать.

Утонченные тонкости

Тонкие длинные пальцы водили то взад, то вперед.

Струны на арфе двигались незаметно, изящно.

В один миг волшебство закончилось, музыка затихла. Исполнитель поклонился и исчез за кулисами.

В зал тут же пошли разговоры:

– Рынки-рынки, акции-акции, бла-бла-бла, бла-блаакции, бла-бларынки-рынки.

На сцену вынесли стол и стул, затем вышел человек во фраке с большим ножом и сел за стол.

Зрители притихли.

Артист закатал рукав и медленно, грациозно, будто играя на скрипке, начал отрезать ножом себе руку. Капли крови сплетались в узоры невероятной

красоты. Белоснежный фрак артиста превратился в полотно Джексона Поллока.

Волшебство закончилось вместе с отрезанной рукой. Артист неуверенно поклонился и, пошатываясь, исчез за кулисами.

Тишина в зале замерла на несколько секунд, а затем:

– Рынки-рынки, акции-акции, бла-бла-бла, бла-блаакции, бла-бларынки-рынки.

А на сцену уже готовился выйти очередной артист, способный съесть тридцать живых мышей, не поморщившись.

Щупальца

У древней усталой сущности из головы и туловища росли щупальца. За всю многовековую историю щупальца стали настолько длинными, всеобъемлющими, что начали прорастать во времени и пространстве.

Щупальца умело цепляли за ноги, если ты собирался на площадь высказать свое мнение.

Щупальца хватали тебя за руки и придавливали к земле, если ты вырвался из наручников.

Щупальца забирали твои последние деньги, даже после того, как не один десяток лет ты отдавал свои доходы Верховному щупальцу.

Щупальца думали за тебя, решали, сколько ты будешь есть, пить, размножаться.

Щупальца не знали любви. Любовь для них была несущественной. Она же не записана на бумаге, не зафиксирована липким щупальцепожатием. А вот страх, страх – это приятно, липко, хватательно, как любят щупальца.

Однажды щупальца проснулись от того, что в рот уже давно позабытой головы залезали другие щупальца. Хотя не совсем другие, те же... Древняя и усталая сущность настолько много отрастила щупалец, что перестала их контролировать. И теперь начала душить себя же... Издалека это зрелище походило на Уроборос, только вот пасть одна, а щупалец – куча. Существо и щупальца медленно умирали.

Или нет?

Или да?

Время покажет.

Перед дверью

Встанешь перед дверью, опустишь ручку вниз, и механизмы внутри заскрипят. Противиться будут. Стонать, будто от боли. Как это? Открыть и впустить тебя...

- Это я вас слушаю! Я просил самого ГЛАВНОГО в вашей конторе.
- Ааааа, Алексей Степанович! Здравствуйте. Я действительно самый главный. Только можете запись разговора выключить, не люблю лишний раз светиться.
- Откуда вы знаете? Кто вы? Представьтесь?
- Запись выключи, Леша.
(Это уже ни в какие ворота, конечно, но ладно, выключу)
- Я сын ётуна Фарбаути и Лаувейи. Можешь называть меня Локи. Я самый главный. Леша, я все про тебя знаю. И про твою любовницу, и про внебрачного сына. И про твои офшоры на Кайманах. И про то, как ты отмывал деньги с подрядчиков по госзаказам. И даже что у тебя в гараже схрон на несколько миллионов долларов. На всякого хитреца всегда есть кто-то хитрее. Тем более я бог хитрости и коварства.
- Что за... кто вы? Что происходит?
- Слышал последнее слово? Коварства. Не люблю, когда кто-то думает, что хитрее всех. Тебе сейчас придет СМС с кодом для смены логина и пароля всех твоих счетов. Пришла?
(Телефон булькнул эсэмэской.)
- Я не слышу? Пришла?
- Да, пришла.
- Так вот, Леша. Сейчас ты мне продиктуешь шесть цифр. А если этого не сделаешь, то завтра за тобой придут мои послушники с корочками, погонами и человеческими полномочиями. А то мне становится уже скучно. Диктуй!
- Пять два ноль семь восемь три.
- Вот и молодец! Видишь, как просто. А теперь ты выключишь телефон и пойдешь поспать, например. На пару часов. А когда проснешься – будешь совершенно другим человеком. Другим в том смысле, что у тебя ничего не будет. А если когда-нибудь ты еще раз задумаешь пакость, то знай – я позвоню. И это будет последний звонок в твоей глупой человеческой жизни. Договорились?
- Д-д-да.
- Спасибо, ваш звонок был важен. Оцените уровень обслуживания в нашем банке. Нажмите цифру от одного до пяти.
(Нажал пять и отправился спать, от греха подальше.)